

Песнь о
Полку Игореве...

Э 96
6 649.

640
96
649
ЩЪСНЪ

ИГОРЮ СВЯТОСЛАВИЧУ

УДЪЛЬНОМУ КНЯЗЮ

НОВАГОРОДА-СЪВЕРСКАГО.

ИЗДАНА

Михаиломъ Максимовичемъ.

КІЕВЪ.

1837.

96
649

А 50

П Ъ С Н Ъ

О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ,

СЛОЖЕННАЯ ВЪ КОНЦѢ XII-ГО ВѢКА

НА ДРЕВНЕМЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Е 96
649

ИЗДАНА

съ переводомъ на нынѣшній Русскій языкъ
Профессоромъ Русской Словесности

Михаиломъ Максимовичемъ,

для своихъ слушателей.

К І Е В Ъ

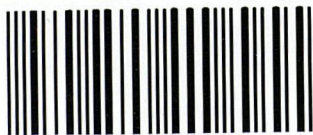
1 8 3 7.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
по опредѣленію 1 Отдѣленія Философскаго Факультета.
Кіевъ, Мая 1 дня, 1857 года.

Проректоръ Университета *Савва Бозородскій.*

Напечатано въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО
Университета Св. Владиміра.

2007113184

„То спарина, по и дѣянье,
Добрымъ людямъ на послушанье...“

Старинный Русскій припѣвъ.

ИГОРЯ СВЯТЬСЛАВЛИЧА, ВНУКА ОЛЬГОВА.

І. ЗАПѢВЪ.

Не славно ли было-бъ намъ, братья, начать старыми словами скорбныхъ повѣстей пѣснь ополченію Игоря, Игоря Святославича!

А начаться той пѣсни по былинамъ сего времени, хоть не по Боянову замышленію.

Боянъ вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь творить, то растекался мыслию по древу, стѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ по поднебесью.

Какъ вспоминалъ онъ сказанья прежнихъ временъ объ усобищѣ, то пускалъ онъ десять соколовъ на стадо лебедей: которъй соколъ на лебедь падетъ, та лебедь первая и пѣснь запоетъ—Старому Ярославу, Храброму Мстиславу, что зарпъзалъ Редедю предъ полками Касожскими, или Красному Роману Святославичу.

Да Боянъ, братья, не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ; онъ свои вѣ-

пърсты на живая струны въскладаше, они же сами Княземъ славу рокотаху.—

6. Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ Старога Владиміра до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею, и поостри сердца своего мужествомъ, напѣлнися ратнаго духа, наведе своя храбрія пѣлкы на землю Половецкую, за землю Рускую.

Г Л А В А I.

1. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце, и видѣ отъ него тьмою вся своя воля прикрыты.
2. И рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти! А всядемъ, братіе, на свои бързьи комони, да позримъ си-него Дону!
3. Спала Князю умъ похоти искусити Дону великаго, и жалость ему знаменіе заступи.

Хошу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго! съ вами, Русичи, хошу главу свою приложить, а любо испити шеломомъ Дону!—

ице персты на живыя струны вскладаль,
и онъ сами славу Князьямъ рокотали.—

Начнемъ же, братья, нашу повѣсть
отъ стараго Владимира до нынѣшняго
Игоря, который извлекъ умъ— своей
силою, поострилъ его — мужествомъ
сердца, и наполняя ратнаго духа, на-
велъ свои храбрые полки на землю Поло-
вецкую, за землю Русскую.

II. СБОРЪ ИГОРЯ И ВСЕВОЛОДА КЪ ПОХОДУ.

Тогда Игорь возрѣлъ на свѣтлое солн-
це, и видитъ—отъ него тьмою покрыто
все его воинство.

И говоритъ Игорь къ дружинѣ своей:
„Братья и дружина! лучше изрубле-
ну быть, чѣмъ быть полонену! А сл-
демъ, братья, на своихъ борзыхъ коней,
да посмотримъ синяго Дону!“

Запала въ умъ Князю охота отвѣдать
великаго Дону, и дума о томъ заслонила
ему знаменіе неба.

„Хочу, говоритъ, копье преломить въ
концѣ поля Половецкаго! съ вами, Русичи,
хочу голову свою положить, или шело-
момъ напишься Дону!“

4. О Бояне, соловію стараго времени!
Абы ты сія пѣлкъы ущекоталъ, скача сла-
вію по мыслену древу, летая умомъ
подъ облакы, свивая славы оба-полы се-
го времени, рыща въ тропу Трояню чрезъ
поля на горы. Пѣти было пѣсь Игорев-
и, того Ольга внуку!—
5. Не буря соколы занесе чрезъ поля
широкая; галици стады бѣжять къ Дону
великому.
Чили въспѣти было, вѣщій Бояне, Ве-
лесовъ внуце!...
6. Комони ржуть за Сулою; звенить сла-
ва въ Киевѣ; трубы трубять въ Новѣ-
градѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь
ждетъ мила брата Всеволода.
7. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: одинъ
братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю,
оба есѣ Святъславичя! Сѣдлай, брате,
свои бѣрзыи комони, а мои ти готови,
осѣдлани у Курьска напереди.
8. А мои ти Куряни, свѣдоми кѣмети:
подъ трубами повити, подъ шеломи възле-
лѣяни, конецъ копія въскѣрмленн; пути
имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми; луци у
нихъ напряжени, тули отворени, сабли

О Боянъ, соловей стараго времени! Какъ бы ты полки сіи воспѣлъ, скача соловьемъ по мыслену древу, летая умомъ по поднебесью, свивая славы вѣнецъ сему времени; рыща по Троянову пути, чрезъ поля на горы!... Тебѣ плть было пѣснь Изгору, того Олега внуку!...

— Не буря соколовъ занесла черезъ поля широкія: галки стадами летятъ къ Дону великому...

Или воспѣть-было, вѣщій Боянъ, внука Велесовъ!...

Ржутъ кони за Сулою; звенитъ слава въ Кіевъ; трубы трубятъ въ Новъгородъ; стоятъ знамена въ Путивль; Игорь ждетъ милаго брата, Всеволода.

И говоритъ къ нему Буй-Туръ Всеволодъ: „одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтѣйшій, ты Игорь! оба мы Святославиши. Спѣдай, мой братъ, своихъ борзыхъ коней; а мои тебѣ готовы, напередъ ѣзданы у Курска.

Тебѣ и Куряны мои—надежные люди: подѣ трубами повиты, подѣ шеломами взлелѣяны, концемъ копья вскормлены; дороги имъ вѣдомы, овраги знакомы, луки у нихъ натянуты, колчаны откры-

изъострени; сами скачють акы сѣрьи
вѣлци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а Князю
славы,

Г Л А В А ІІІ.

1. Тогда вѣступи Игорь Князь въ златъ
стремень, и побѣха по чистому полю.
2. Солнце ему тьмою путь заступаше;
нощъ стонущи ему грозою птицъ убуди;
свистъ звѣринъ въ стазби.
3. Дивъ кличетъ върху древа, велить по-
слушати земли незнаемъ, Вѣлзѣ, и По-
морію, и Посулію, и Сурожу, и Кор-
суію, и тебѣ Тьмутороканьскій бѣлванъ.
4. А Половци неготовами дорогами побѣ-
гоша къ Дону великому; крычатъ тѣлѣ-
гы полунощи, рци лебеди роспущени.
5. Игорь къ Дону вои ведеть. Уже бо бѣ-
ды его пасуть птицъ; подобію вѣлци гро-
зу вѣсрожать по яругамъ; орли клек-
томъ на кости звѣри зовуть; лисици бре-
шуть на чѣрленія щиты.
6. О Руськая земле! уже за шеломянемъ
еси!...
7. Дѣлго ночь мѣркнеть; заря свѣтъ запама;

ты, сабли наточены; какъ сѣрые волки скачутъ они въ полъ, ища себѣ чести, а Князю славы!..“

III. ВЫСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПОХОДЪ.

Тогда Игорь Князь ступилъ въ златъ стремянъ, и поѣхалъ по чистому полю.

Солнце тьмой ему путь заслоняетъ; ночь, грозой застонавъ, птицъ разбудила; звѣриный свистъ въ пустынь.

А на деревъ кричитъ Дивъ: велитъ слушать Земль незнаемой, Волгъ, и Поморію и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ истуканъ Тмуроканскій.

А Половцы небитыми дорогами побѣжали къ Дону Великому: кричатъ телги о полуночи, словно лебеди разлетаются.

Игорь къ Дону войско ведетъ: уже бѣды его ждуть птицы, и волки грозу предвѣщаютъ по оврагамъ; орлы клектомъ зовутъ звѣрей на кости, и лаютъ лисицы на багряные щиты.

О Русская Земля, ты уже за горою!....

Долго меркнетъ ночь.... Заря-свѣтъ

мѣгла поля покрыла; щекоть славій успе,
говоръ галичь убуди.

8. Русичи великая поля чърлеными щиты
прегоредиша, ищучи себѣ чти, а Князю
славы.—

ГЛАВА IV.

1. Съ заранія въ пятъкѣ потопташа поганья пѣлки Половецкыя; и рассушяся стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты. Орьтмами и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити, по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочыи Половецкыими.
2. Чърленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чърлена чолка, сребрено стружіе—храброму Святъславичю.—
3. Дремлетъ въ полѣ Ольговс хороброе гнѣздо . . . далече залетѣло; небылицъ обидь порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чърный воронъ, поганый Половчине! . . .
4. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вѣлкомъ; Кон-

затала; мгла поля покрыла; соловьиный щебет уснул; говоръ галочій пронулся.

Русии багряными щитами загородили широкія поля, ища себѣ чести, а Князю славы.—

IV. ПОБѢДА НАДЪ ПОЛОВЦАМИ.

Утромъ въ Пятницу потоптали они поганые полки Половецкіе, и разсыпавшись стрѣлами по полю, помчали красныхъ дѣвицъ Половецкихъ, а съ ними золото и парчи и дорогіе оксамиты. А ортмами, япончами, шубами и всякими нарядами Половецкими, начали мосты мостить, по болотамъ и топямъ.

А багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряная челка, серебряно копье—храброму Святославицу.—

Дремлетъ въ поле Олегово храброе гнѣздо... далеко залетѣло! не въ обиду было родилось оно—ни для сокола, ни для кречета, ни тебѣ черный воронъ—поганый Половцинь!...

Гзакъ бѣжитъ стѣрымъ волкомъ; за нимъ

чакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.—

Г Л А В А V.

1. Другаго дни вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чьрныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти четыри солнца: а въ нихъ трепещуть синіи мълніи:
2. Быти грому великому! итти дождю стрѣлами съ Дону великаго!
3. Ту ся копіемъ приламати; ту ся саблямъ потручати о шеломя Половецкыя, на рѣцъ на Каялъ, у Дону великаго.
4. О Руськая земле! уже за шеломянемъ еси!...
5. Се—вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрія пълкы Игоревы; земля тутнеть; рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрывають; стязи глаголють; Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ... Руськыя пълкы отступиша.
6. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша; а храбріи Русичи преградиша чьрлеными щиты.

Конякъ держитъ путь къ Дону великому.

V. НАЧАЛО НОВОЙ БИТВЫ НА РЪКЪ КЯЛЪ.

Начинается другой день... крававыя зори свѣтъ возвъщаютъ; черныя тучи съ моря идутъ, хотятъ закрыть четыре солнца; а въ тучахъ дрожатъ синія молнии...

Быть грому великому! идти дождю стрѣлами съ Дону великаго!

Тутъ-то копьямъ изломаться, тутъ-то саблямъ изщепаться объ шелома Половецкіе—на рѣкѣ на Кялѣ, у Дону великаго!

О Русская Земля, ты уже за горою!...

Вотъ—вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые Игоревы полки; гудетъ земля; рѣки мутно текутъ; разстиляется пыль надъ полями; знамена лепечутъ: Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ сторонъ... Русскіе полки отступили.—

Дѣти бѣсовы крикомъ поля загородили, а храбрые Русичи багряными щитами.

7. Ярѣ Туре Всеволоде! стоиши на борони; прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Турѣ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая: тамо лежать поганья головы Половецкыя, поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя, отъ тебе, Ярѣ Туре Всеволоде!
8. Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чьрнѣгова, отня злата стола, и своя милья хоти, красныя Глѣбовны свычая и обычая?

Г Л А В А VI.

1. Были вѣщи Трояни; минула лѣта Ярославля; были пѣлци Ольговы, Ольга Святъславличя.
2. Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли съяше. Ступаетъ въ златъ стремянь въ градъ Тьмуторокань.
3. Тоже звонъ слыша давный великій Ярославъ; а Владиміръ сынъ Всеволожь по вся утра уши закладаше въ Чьрнѣговъ.

Ты, Ярѣ-Турѣ Всеволодѣ, стоишь на оборонѣ—прыщешь стрѣлами на воиновѣ, гремишь объ шелома мечами булатными. Гдѣ только, Турѣ, промчишься ты, золотымъ своимъ шеломомъ посвѣчивая: тамъ лежатъ поганья головы Половецкія, ищепаны калеными саблями шелома Оварскіе отъ тебя, Ярѣ-Турѣ Всеволодѣ!

Какія раны дороги, братья, забывшему почестъ и жизнь, и городѣ Черниговѣ, и отцовскій золотой престолѣ, и своей милой любви—красной Глѣбовны привѣты и ласки!...

VI. ВОСПОМИНАНИЕ О ПРЕЖНИХЪ КНЯЗЬЯХЪ.

Были вѣка Трояновы; минули годы Ярославовы; были ополченья Олега, Олега Святославица.

Олегъ тотъ мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ сѣялъ. Ступаетъ онъ въ златъ стремя въ городѣ Тмуторокань . . . .

Тому-жъ звону давнему великому внималъ Ярославъ; а Владиміръ Всеволодовъ сынъ въ Черниговѣ свой слухъ заслонялъ повседневно.

4. Бориса же Вячеславличя слава на судъ приведе, и на канину зелену напоному постла, за обиду Ольгову, храбра и млада Князя.
5. Съ тоя же Каялы Святопѣлкъ по-валѣ я отца своего между Угорьскими иноходьци, ко Святѣй Софіи къ Кыеву.
6. Тогда при Ользѣ Гориславличи, сѣяшеться и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоувѣкомъ сѣкратишьясь.
7. Тогда по Руськой земли рѣдко ратаеве кыкахуть; нѣ часто врани граяхуть, трупя себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе.
8. То было въ ты рати, и въ ты пѣлкъ; а сице и рати не слышано . . .

Г Л А В А VII.

1. Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта, летять стрѣлы каленныя, гримлють сабли о шеломахъ, трещать копія харалужныя, въ полѣ незнаемѣ; среди земли Половецкыя.

А Бориса Вячеславища слава на смертный судъ привела, и на шеджовый зеленый покровъ положила, за обиду Олегову, храбраго и младаго Князя.

Съ той-же Каялы Святополкъ послѣ битвы взялъ отца своего, межъ Венгерскихъ коней, въ Кіевъ ко Святой Софїи.

Тогда, при Олегъ Гориславищъ, Русская земля застывала и росла усобицами; погибала жизнь Дажьбогова внука; въ крамолахъ Князей человѣческій вѣкъ коротался.

Тогда рѣдко по Русской земль раздавались клики оратаевъ; но часто каркали вороны, дѣля трупы между собою, и галки перекликались своимъ говоромъ, собираясь летѣть на покормку.

То было въ тѣ битвы и въ тѣ ополченья: а такой битвы какъ нынѣ и не слыхано...

VII. ПОРАЖЕНІЕ РУСКИХЪ НА КАЯЛѢ.

Съ утра до вечера, съ вечера дѣ свѣта, летятъ стрѣлы каленья, гремятъ сабли обѣ шеломы, тресчатъ копья булатныя, въ полѣ незнаемомъ, среди земли Половецкой.

2. Чърна земля подь копыты, костьюми была посъяна, а кровію польяна; тугою въздоша по Руськой земли....
3. Что ми шумить, что ми звенить, давечя рано предь зорями? Игорьъ пълкы заворочаеть; жаль бо ему мила брата Всеволода.
4. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы.
5. Ту ся брата разлучиста на брезь быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пирь докончаша храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Руськую.
6. Ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилось.—

Г Л А В А VIII.

1. Уже бо, братіе, не веселая година въстала; уже пустыни силу прикрыли. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Въступила дѣвою на землю Трояню; въсплескала лебедиными крылы на Синѣмъ морь; у Дону плещучи, убуди жирня времена.
2. Усобиця Княземъ на поганья погыбе.

Черная земля подъ копытами костьми была застыяна, а полита кровью; возшла печалью по Русской земль.

Что мнѣ шумитъ, что мнѣ звенитъ, такъ рано передъ зарею?... То Игорь полкъ заворочаетъ: жаль ему милаго брата, Всеволода.

Билися день; бились другой; на третій день къ полудню пали знамена Игоревы.

Тутъ разлучилися братья на берегу быстрой Каялы. Тутъ кроваваго вина недостало. Тутъ dokonчили пиръ храбрые Русичи: сватовъ попили, и сами легли за землю Русскую.

Никнетъ трава отъ жалости и древо съ печалью къ земль приклонилось.

VIII. НОВАЯ БѢДА РУСИ ОТЪ ПОЛОВЦЕВЪ.

И вотъ, братья, не веселая настала година: уже пустыни нашу силу покрыли. Возсталъ обида въ силахъ Дажьбогова внука: губительной дъвою вступила на землю Троянову; всплескала лебедиными крыльями на Синемъ морь; у Дону плещучи, разбудила богатья времена.

Но у Князей пропала вражда на поганыхъ.

рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же; и начяша Князи про малое се великое мълвити, а сами на себе крамолу ковати; а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Руськую.—

3. О, далече зайде соколъ, птицъ бья къ морю... А Игорева храбраго пълку не кръсити!
4. За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руськой земли, смагу мычючи въ пламянъ розѣ.
5. Жены Руськыя въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!
6. А въстона бо, братіе, Кыевъ тугою, а Чернѣговъ напастьми. Тоска разліяся по Руськой земли; печаль жирна тече средь земли Руськыя...
7. А Князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарыщуше на Руськую землю, емляху дань по бѣль отъ двора.
8. Тии бо два храбрая Святъславличя, Игорьъ и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую

Говорятъ они братъ брату: то мое, и то мое! И стали Князья про малое молвить: это великое, и сами на себя крамолу ковать. А поганые со встьхъ сторонъ стали набѣгать съ побѣдами на землю Русскую.

О, далеко залетѣлъ нашъ соколъ, гоня птицъ къ морю... А Игоревъ храбраго полка не воскресить—уже!

А занимъ вскрикнули Карна и Жля, поскакали по Русской земль, разнося пожаръ въ огневомъ рогъ.

И всплакались Русскія жены, приговаривая: „уже намъ своихъ милыхъ друзей ни мысляю взмыслити, ни думою вздумати, ни очами увидѣти,—и тѣмъ златомъ и сѣребромъ уже не звенѣти.“⁶⁶

Застоналъ, братья, Кіевъ съ печали, Черниговъ съ напасти. Разлилася тоска по Русской земль: течетъ глубокая печаль среди земли Русской.

А Князья сами на себя крамолу ковали; и одни поганые, съ побѣдами рыская по Русской земль, брали дани по бѣлкѣ съ двора.

Тѣ два храбрые Святославица, Игорь и Всеволодъ, опять разбудили хулу, кото-

то бѣше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный, великій Кіевскій.

9. Грозою бѣшетъ; притрепеталъ своими сильными пѣлки и харалужными мечи, наступи на землю Половецкую; притопта хълми и яругы; възмути рѣкы и озеры; иссуши потоки и болота; а поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ пѣлковъ Половецкихъ, яко вихрь выторже: и надеся Кобякъ въ градъ Кыевъ, въ гридниць Святъславли!
10. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкыя, Руськаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощѣево.

Г Л А В А IX.

1. Уньша бо градомъ забрамы, а веселіе понице. А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ.
2. Въ Кыевъ на горахъ си ночь съ вечера, одѣвахъте мя, рече, чьрною паполомою, на кровати тисовѣ. Чьрпахуть ми синее

рую усыпилъ—было отецъ ихъ, грозный Святославъ, Великій Князь Кіевскій.

Грозою былъ онъ; погромилъ мечами булатными, и своими сильными полками наступилъ на землю Половецкую, приотпталъ холмы и овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота; а поганого Кобяка, изъ Лукоморья, отъ желзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, какъ вихрь исторгнулъ: и палъ Кобякъ въ городъ Кіевъ, во дворецъ Святославо-вомъ!

Тамъ Нѣмцы и Венеды, тамъ Греки и Моравцы, поютъ славу Святославу, корятъ Князя Игоря, что потопилъ богатство наше, на дно Каялы рѣки Половецкой насыпавши Русскаго золота. Тамъ Игорь Князь перестлъ изъ стѣдла золотого, да въ стѣдло плѣнника.—

IX. СНОВИДѢНІЕ И ПЕЧАЛЬ СВЯТОСЛАВА.

Уныли стѣны городовъ, поникло веселіе. А Святославъ смутный сонъ видѣлъ.

„Въ Кіевъ на горахъ, въ эту ночь съ вечера—говоритъ онъ Боярамъ—одѣвали меня чернымъ покровомъ на кровати те-

вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть митыщими тумы поганыхъ тльковинъ великый жемчюгъ на лоно, и нѣгують мя. Уже дѣскы безъ кнѣса въ моемъ теремъ златовѣрсѣмъ. Всю ношь съ вечера босувя врани възгряяху у Пльсьнска на болони, бѣша дебръ Кисаню, и не сошли къ Синему морю.—

3. И ркоша бояре Князю: уже, Княже, туга умъ полонила. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильця припѣщали поганыхъ саблями, а самаю опутоша въ путины желѣзны.
4. Темно бо бѣ въ треть день: два солнца помѣркоста, оба багряная стѣлпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяця, Олегъ и Святѣславъ, тьмою ся поволокоста. На цѣ на Каямѣ тьма свѣтъ покрыла:
5. По Руськой земли прострошася Пловци, акы пардуже гнѣздо; и въ морѣ погрузиста; и великое буйство подаста Хинови. Уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже вѣрже-

совой; черпали мнѣ синее вино, съ отравою смѣшанное; сыпали мнѣ пустыми колчанами поганыхъ.... крупный жемчугъ на лоно; и нѣжатъ меня. А доски уже безъ князя на моемъ терему златоверхомъ; и всю ночь съ вечера каркали бѣсовы вороны у Пльнска на болоньи, были въ дебри Кисановой, и не слетѣли къ Синему морю.“

И говорятъ Князю бояры: „уже, Князь, печаль умъ одолѣла. То слетѣли два сокола съ отцовскаго золотаго престола, поискать города Тмутороканя, или напиться шеломомъ Дону. И уже саблями поганыхъ подкосили крылья соколамъ, а самихъ опутали путами желѣзными.“

Темно было въ третій день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли, а съ ними и молодые два мѣсяца, Владиміръ и Святославъ, тьмою заволоклися. На рѣкѣ на Каяль тьма свѣтъ покрывала.

По Русской землѣ простерлись Половцы, какъ пардово гнѣздо... и потопили въ морѣ нашу силу, и великую дерзость придали Хану. Уже хула нанеслась на хвалу; уже насилье разра-

ся Дивъ на землю.

6. Се бо Готскыя красныя дѣвы въспѣща на брезѣ синему морю. Звоня Руськымъ златомъ, поють время Бусово, деляють мечь Шарокяню. А мы уже дружина жадни веселія.—
7. Тогда великій Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновья, Игорю и Всеволоде! рано еста начяла Половецкую землю мечи цвѣлти, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую продѣясте!
8. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли сътвористе моей сребренѣй съдинѣ!
9. А уже не вижду власти сильного, и богатаго. И много вой брата моего Ярослава, съ Чернѣговьскыми Быями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Ти бо безъ щитовъ, съ засапожники, кликомъ пѣлки побѣждаютъ.
10. Звонячи въ правѣдную славу, нѣ рекосте: мужаймъся сами! преднюю славу

элось надъ волей; уже Дивъ низвергся на землю.

Вотъ Готскія красныя дѣвы запѣли на берегу Синяго моря; звеня Русскимъ золотомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ мечь Шароканову. А мы, твоя дружина, уже чужды веселья!«

Тогда Великій Святославъ изронилъ золотое слово, слезами орошенное. И говоритъ онъ: „о сыны мои, Игорьъ и Всеволодъ! рано вы стали Половецкую землю мечами опустошать, а себѣ славы искать. Да не съ честью одолѣли: не съ честью кровь поганую пролили!

Ваши храбрыя сердца изъ крѣпкаго булата скованы, и въ смѣлости закалены. Что-же вы сдѣлали моей серебряной стѣднѣ!

Уже не вижу власти сильнаго и богатаго. И много воиновъ у брата моего Ярослава, съ его Черниговскими Былями, съ Могутами, и съ Татранами, и съ Шельбирами, и съ Топчаками, и съ Ревугами, и съ Ольберами: они безъ щитовъ, съ кинжалами, крикомъ полки побѣждаютъ

Но, звоня въ прадѣдовскую славу, вы сказали себѣ: мужаемся одни! одни воз-

сами похытимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ!

11. А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбываетъ; не дасть гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло: Княже ми не пособіе; на ниче ся години обратиша.
12. Се у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкыми; а Володиміръ подъ ранами, туга и тоска сыну Глѣбову.—

Г Л А В А X.

1. Великій Княже Всеволоде! не мыслію ти прилетѣли издаlechя, отъня злата стола поблюсти. Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы вымѣяти! Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногать, а кощѣй по рѣзани. Ты бо можеша по суху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы.—
2. Ты, буй Рюриче, и Давиде! не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваща? Не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранени саблями каменными, на

мемъ предстоящую славу; одни подглым-
ся славою прежней!

О, диво-ли, братья, и старому по мо-
лодтъ! Коли соколъ перья роняетъ,
высоко онъ птиць взбиваетъ; не дастъ
гнѣзда своего въ обиду. Да то горе: Князья
мнѣ не въ помочь; времена ни во что об-
ратились. . .

Вотъ въ Ромнѣ кричатъ подъ саблями
Половецкими: а Владиміръ Князь подъ ра-
нами, скорбь и тоска сыну Гльбову!«

Х. ВОЗЗВАНІЕ КЪ КНЯЗЬЯМЪ О ПОМОЩИ.

Великій Князь Всеволодъ! Не мыслию
тебѣ прилетѣть издавеча, отцовскаго
золотаго престола побережь: ты можешь
Волгу веслами разбрызгать, Донъ шело-
мами вычерпать! . . . Какъ-бы ты здѣсь
былъ, была-бъ плѣнница по ногатъ, а плѣн-
никъ по рѣзани. Ты можешь и на сушь
стрѣлять живыми самострѣлами, уда-
лыми сынами Гльба!—

Ты, смѣлый Рюрикъ, и Давидъ! Не ва-
ши-ли золочеными шеломами по крови
плавали? Не ваша-ль храбрая дружина
рыкаетъ, какъ туры, раненые саблями ка-

помѣ незнаемъ? Вступита, Господина, въ злата стремя, за обиду сего времени, за землю Руськую, за раны Игоревы, бугега Святъславличя!—

3. Галичкый Осмомысле, Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златоконаньемъ столѣ; подперъ горы Угорьскыя своими желѣзными пѣлкъы, заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, мечя бремены чрезъ облакъы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кыеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣлай, Господине, Кончака, поганаго кощѣя, за землю Руськую, за раны Игоревы, бугега Святъславличя!—

4. А ты, буй Романе, и Мстиславе! храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло; высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзными папорзи подъ шелома Латынскими. Тѣми тресну земля, и многы страны Хинови. Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повѣргоша, а гла-

леными, въ полъ незнаемомъ? Вступи-
те, Государи, въ свои золотыя стре-
мена, за обиду сего времени, за землю
Русскую, за раны Игоря, смѣлаго Свято-
славича!—

Галицкій Осмомысль, Ярославъ! Высо-
ко сидишь на своемъ престолѣ злато-
кованномъ; ты подперъ горы Карпатскія
своими полками желѣзными, заградивъ
путь Королю, заваливъ ворота Дунаю,
кидая громады черезъ облака, суды рѣдя
до Дуная. Грозы твои растекаются по
землямъ; открываешь ворота Кіеву; съ
золотаго отцовскаго престола стрѣля-
ешь ты Салтановъ за землями дальними.
Стрѣляй, Государь, Кончака, погананаго ко-
щея, за землю Русскую, за раны Игоря,
смѣлаго Святославича!—

А ты, смѣлый Романъ, и Мстиславъ!
храбрая мысль носить умъ вашъ на дѣло;
высоко ты плаваешь на дѣло въ отвагѣ,
какъ соколъ на вѣтрахъ ширяясь, стре-
мясь птицу одолѣть въ ярости. У васъ
желѣзныя брони подъ шеломами Латин-
скими: отъ нихъ треснула земля и мно-
гія страны Ханскія; Литва, Ятвяги, Де-
ремела, и Половцы—побросали свои пики,

вы своя подклониша подъ твѣи мечи харалужныи.

5. Нѣ уже, Княже Игорю, утѣрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвѣе срони; по Руси, по Суль грады подѣлиша; а Игорева храбраго пѣлку не крѣсити! Донѣ ти, Княже, кличетъ и зоветъ Князи на побѣду. Ольговичи храбрѣи Князи dospѣли на бранѣ.

6. Инѣгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, нехуда гнѣзда шестокрильци! не побѣдныи жребѣи собѣ власти расхытисте. Кое ваши златыи шеломы, и сулицы Ляцкѣи, и щиты! Загородѣте полю ворота своими острыми стрѣлами, за землю Руськую, за раны Игоревы, буюго Святъславличя!

Г Л А В А Х I.

1. Уже бо Сула не течеть сребренными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ.
2. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ

и головы свои подклонили подъ тѣ мечи булатные...

Но вотъ ужь, Князь Игорь, убавился свѣтъ солнцу и дерево не добромъ листья сронило. По Роси, по Суль города подѣлили; а Игорева храбраго полка не воскресить-уже!... Донъ кличетъ тебя, Князь, и зоветъ всѣхъ Князей на побѣду. Ольговичи храбрые Князя поспѣли на брань...

О, Ингварь и Всеволодъ, и вѣтъ три Мстиславица, нехудаго гнѣзда шестокрыльцы! не жребіемъ-ли побѣдъ себѣ власть вы раздѣлили... На что-же ваши золотые шеломы, и пики Ляшскія, и щиты?.. Загородите ворота Половецкому полю своими стрѣлами острыми, за землю Русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославица!...

XI. ВОСПОМИНАНІЕ О ПРЕЖНИХЪ КНЯЗЬЯХЪ.

Уже Сула не бѣжитъ серебряными струями къ городу Переяслову; Двина болотомъ течетъ къ тѣмъ грознымъ Полочанамъ, подъ крикомъ поганныхъ...

Только одинъ Изяславъ, сынъ Васильковъ,

позвони своими острыми мечи о шеломи Литовьскыя, притрепа славу дѣду своему Всеславу; а самъ подѣ чърлеными щиты на кровавъ травѣ притрепанѣ Литовьскыми мечи.

3. И схыти ю на кровать, и рекъ: дружи-ну твою, Княже, птицъ крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша.
4. Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе. Унымы голоси, пониче веселіе; трубы трубятъ Городеньскыи.
5. Ярославѣ, и вси внуци Всеслави! уже понизѣтъ стязи свои, вонзѣтъ свои мечи верезени! уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Руськую, на жизнь Всеславию. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыя!...
6. На седьмомъ вѣцѣ Трояни вѣрже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тѣй клюками подпѣрся о кони, и скочи къ граду Киеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Киевьскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣ-

позвѣнтьль своими острыми мечами объ шелома Литовскіе. Заглушилъ онъ славу своему дѣду Всеславу; а самъ подъ багрянными щитами на кровавой травѣ пораженъ мечами Литовскими.

И взялъ онъ ту славу съ собою на смертную постель, и молвилъ: „дружиноу твою, Князь, птицы крылами одѣли, а звѣри кровь полизали.“

Не было тамъ брата Брячислава, ни другаго Всеволода: одинъ изронилъ онъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла, чрезъ золотое ожерелье. Уняли голоса; поникло веселіе; трубы трубятъ Городенскія.—

Ярославъ и всѣ внуки Всеславы! опустите знамена свои, вложите свои мечи поврежденные! уже вы отпали отъ дѣдовской славы! Вы-то своими крамолами стали наводить поганыхъ на землю Русскую, на жизнь Всеслава... Было-ль какое насиліе отъ земли Половецкой...

На седьмомъ вѣкѣ Трояномъ, бросилъ жребій Всеславъ о дѣвицѣ ему милой.— Подперся онъ колюками на предѣлы свои, и скошилъ къ городу Кіеву, и добился копьемъ золотаго престола Кіевского.

ремь въ пълночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мъглѣ; утрѣ же возни стрикусы отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи вълкомъ до Немигы съ Дудутокъ.

7. На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чѣпи харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костями Руськыхъ сыновъ.
8. Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вълкомъ рыскаше; изъ Кыева дорыскаше до курь Тьмутороканя; великому Хърсови вълкомъ путь прерыскаше.
9. Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренною рано у Святѣя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.—Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше.
10. Тому вѣщій Боянъ и пѣрвое припѣвку смисленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицею горазду, суда Божія не минути!
11. Рекъ Боянъ и ходы на Святѣславля пѣсь-

И оттуда поскакалъ лютымъ звѣремъ въ полночь изъ Бѣлагограда, обернувшись синюю мглою; а на утро ударилъ стѣпными, отворилъ ворота Новугороду, разшибъ славу Ярославу, и поскакалъ волкомъ къ Немену съ Дудутокъ . . .

На Немень, не снопы стелютъ—головы, молотятъ цѣпами булатными, на току кладутъ жизнь, вьютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Неменя не добромъ были застыяны, застыяны костями Русскихъ сыновъ.—

Всеславъ Князь людямъ суды судилъ, Князьямъ города рядилъ, а самъ волкомъ рыскалъ въ ночи; отъ Кіева онъ дорыскавалъ до дворовъ Тмутороканя; великому Хорсу волкомъ путь переръзывалъ.

Ему въ Полотскѣ звонили рано въ колокола къ заутрени у Святой Софїи; а онъ Кіевскій звонъ слышалъ.—Хоть и вѣща душа въ иномъ тѣлѣ была, да чашто бѣды терпѣла.

Ему вѣщій Боянъ и давнюю припѣвку разумно сказалъ: „ни хитрому, ни быстрому, хоть бы птицей леталъ— не миновать суда Божїя.“

Боянъ, пѣснотворецъ стараго времени

творца стараго времени Ярославля, Ольгова, Коганя хоти: тяжко ти головѣ кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы: Руськой земли безъ Игоря.

12. О, стонати Руськой земли, помянувшѣ пѣрвую годину, и пѣрвыхъ Князей. Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевьскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы, нѣ рози нося имѣ хоботы па-шуть; копія поють на Дунаи.—

Г Л А В А XII.

1. Ярославнинѣ гласѣ слышитъ: зегзицею незнаемъ рано кычетъ: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бѣбрянѣ рукавѣ въ Каляѣ рѣцѣ; утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.
2. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтре, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлки на своею нетрудною крильцю на моея лады вои? Мало ли ти бѣшетъ горѣ подѣ облакы вѣяти,

Ярослазова, Олегова, Коганова, и на походы Святослава сказалъ: „тяжко тебѣ головѣ безъ плечъ; горе тебѣ тѣлу безъ головы.“ Такъ Русской землѣ безъ Игоря.

О, стонать Русской землѣ, поминая прежнюю годину и первыхъ Князей! Того стараго Владиміра нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ: знамена его уже стали Рюриковы, другія Давидовы,—но рога нося имъ пахнутъ хвосты; копыя его—поютъ на Дунаѣ...

ХІІ. ПЛАЧЬ ЯРОСЛАВНЫ.

Слышенъ голосъ Ярославны; пустынной кукушкою онъ раздается съ утра: „полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю! омочу бобровый рукавъ въ Каяль рѣчку, отру Князю кровавыя его раны на крѣпкомъ его тѣлѣ!“

Ярославна рано плачетъ въ Путивль городѣ на оградѣ, говоря: „о вѣтеръ, вѣтеръ! За чѣмъ, господинъ мой, такъ на противъ вѣешь? За чѣмъ на вольныхъ крыльяхъ своихъ мчишь Ханскія стрѣлы на воиновъ моего друга? Мало-ль тебѣ

лелючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣтя?

3. Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: о Днѣпре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до пѣлку Кобякова; възмелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ неслама къ нему слезъ на море рано.
4. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „свѣтлое и тресвѣтлое сълице! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ луци съпряже, тугою имъ тули затче?...

Г Л А В А XIII.

1. Прысну море полунощи; идутъ сморци мѣглами; Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу.

было горь подъ облаками вѣять, лелюючи
корабли на Синемъ морь! За чъмь-же,
господинъ мой, мое веселіе по ковыли
развѣялъ?«

Ярославна рано плачетъ въ Путивль
городъ на оградъ, говоря: „о Днѣпръ,
сынъ славы! Ты пробилъ каменныя горы
сквозь землю Половецкую; ты лелѣялъ
на себѣ ладіи Святославова до войска
Кобякова: взлелѣй же, господинъ мой, ко
мнѣ моего друга, чтобы не слала къ нему
слезъ на море съ каждымъ утромъ!«

Ярославна рано плачетъ въ Путивль
городъ на оградъ, говоря: „свѣтлое и пре-
свѣтлое солнце! Вспѣмъ тепло и красно
ты! За чъмь-же, господинъ мой, про-
стерло горячій лучъ свой на воиновъ моего
друга? въ безводномъ полѣ жаждою имъ
луки свело, печалью колчаны заткало?«

ХІІІ. БѢГСТВО ИГОРЯ ИЗЪ ПЛѢНА.

Хлынуло море о полуночи; идутъ стол-
бы какъ туманы; Игорю Князю Богъ путь
кажетъ изъ земли Половецкой на землю
Русскую, къ золотому престолу от-
цовскому.

2. Погасоша вечеру зари. Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслию поля мьрять отъ великаго Дону до малаго Донця. Комонь въ полуночи. Овлурь свисну за рькою, велить Князю разумьти. Князю Игорю небыть.
3. Кликну, стукну земля; въшумъ трава; вежи ся Половецькїи подвизашася; а Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростию, и бьлымъ гоголемъ на воду; въвѣржеса на бьрзъ комонь, и скочи съ него босымъ вьлкомъ, и потече къ лугу Донця, и полетъ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди, завтраку и обьду и ужинь.
4. Коли Игорь соколомъ полетъ, тогда Влурь вьлкомъ потече, труся собою студеную росу. Претьргоста бо своя бьрзая комоня. —
5. Донець рече: Княже Игорю! не мало ти величїя, а Кончаку нелюбїя, а Руськой земли веселїя.
6. Игорь рече: о Донче! не мало ти величїя, лелѣвшу Князя на вьлнахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ серебряныхъ брезьхъ, одѣвавшу его теплыми мьглами подъ сьнїю зелену древу;

Погасли вечернія зори. Игорь спитъ—
Игорь не спитъ, Игорь мыслию поля мѣ-
ритъ отъ великаго Дона до малаго Донца.
Конь о полуночи; свиснулъ Овлуръ за рѣ-
кой, велитъ Князю разумѣть... Князю
Игорю небыть!

Вскликнула, стукнула земля; зашумѣла
трава; двинулись Половецкія вежи...
А Игорь Князь поскакалъ горностаемъ въ
травники, бѣлымъ гоголемъ поплылъ на
воду; бросился на борзаго коня, и ссочивъ
съ него, босымъ волкомъ помчался къ лу-
гу Донца, и полетѣлъ соколомъ подъ об-
лаками, избивая гусей и лебедей на зав-
тракъ, на обѣдъ и на ужинъ.

Коли Игорь соколомъ полетѣлъ, тогда
Овлуръ волкомъ побѣжалъ, труся собою
студеную росу. Надорвали они своихъ бор-
зыхъ коней.—

Донецъ говоритъ: „Князь Игорь! не мало
тебѣ величія, а Кончаку нелюбія, а Рус-
ской землѣ веселія!“

Игорь говоритъ: „о Донецъ! не мало ве-
личія и тебѣ; ты лелѣялъ Князя на вол-
нахъ своихъ, стлалъ ему зеленую траву
на своихъ берегахъ серебряныхъ; одѣвалъ
его теплыми туманами подъ стѣною зеле-

стрѣжаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чърнядьми на вѣтрѣхъ.

7. Не тако ли, рече, рѣка Стugna, худу струю имѣя, пожърши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту?
8. Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачеться мати Ростиславля по уношѣ Князѣ Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли преклонилось.—
9. А не сорокы вѣтроскоташа: на слѣду Игоревѣ въздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граяхуть, галици помѣлкоша, сорокы не трескоташа; по лозію ползоша только дятлове, тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть; соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдають.
10. Мѣлвить Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летить, соколичя рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами.
11. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ сокольця опутаевѣ красною дѣвицею.
12. И рече Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будеть сокольця, ни нама красны дѣвици, то

наго дерева; ты стерегъ его гоголемъ на водъ, чайками на струяхъ, чернетями на вѣтрахъ.

Не такова-ль рѣка Стугна? Своею недоброй волною, она поглотила чужіе ручьи и разметала струи по кустамъ!

Днѣпръ—затворилъ онъ свои темные берега юному Князю Ростиславу: и плачетъ мать Ростиславова по юношѣ Князь Ростиславъ. Уныли цвѣты отъ жалости и древо съ печалью къ земль приклонилось. “—

То не сороки застрекотали: по слѣдамъ Игоря ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда вороны не каркали, галки замолчали, сороки не стрекотали; только дятлы, ползая по вѣтвямъ, стукомъ путь къ рѣкѣ кажутъ, да соловьи веселыми пѣснями свѣтъ возвѣщаютъ.

И говоритъ Гзакъ Кончаку: „коли соколъ ко гнѣзду летитъ, соколенка разстрѣляемъ своими золочеными стрѣлами!“

Отвѣчаетъ Гзаку Кончакъ: „коли соколъ ко гнѣзду летитъ, мы сокольца опутаемъ красною дѣвицей.“

И говоритъ Гзакъ Кончаку: „коли опутаемъ его красною дѣвицей, не будетъ намъ ни сокольца, ни красной дѣвицы; и

почнуть наю птици бити въ полѣ. По-
ловецькомъ.—

Г Л А В А XIV.

1. Солнце свѣтитъся на небесѣ. Игорь Князь въ Руськой земли.
2. Дѣвици поють на Дунаи. Вьються голоси через море до Кыева.
3. Игорь ѣдетъ по Боричеву, къ Святѣй Богородицѣ Пирогощѣй. Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а потомъ молодымъ пѣти.
4. Слава Игорю Святѣславличю, Буй Туру Всеволоду, Владиміру Игоревичю! Здрави Князи и дружина, побарая за Христьяны на поганья пѣлки. Княземъ слава, а дружинѣ аминь!

станутъ насъ бить птицы въ полѣ Поло-
вецкомъ!''

XIV. ВОЗВРАТЬ ИГОРЯ ВЪ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ.

Солнце свѣтитъ на небѣ ; Игорь
Князь въ Русской земль.

Дѣвицы поютъ на Дунаѣ: вьются голоса
черезъ море до Кіева.

Игорь ѣдетъ по Боричеву, къ Святой
Богородицѣ Пирогощей. Всѣ страны такъ
рады, города такъ веселы; пѣли пѣснь ста-
рымъ Князьямъ, а потомъ молодымъ пѣть
стали.

Слава Игорю Святославичу, Буй-Туру
Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Да здрав-
ствуютъ Князья и дружина, поборая за
Христіанъ на помщица поганыхъ. Слава
Князьямъ и дружинѣ!

О Т Ъ И З Д А Т Е Л Я .

Превосходная Пѣснь сія была у насъ издаваема *пять* разъ. Старинный списокъ, съ котораго напечатано 1800 года въ Москвѣ *первое* изданіе оной, сгорѣлъ на Московскомъ пожарѣ въ 1812 году; такимъ образомъ 1-е изданіе служить теперь единственнымъ источникомъ подлиннаго текста Пѣсни.

Предпринимая новое, *полное* изданіе оной, съ критическимъ изслѣдованіемъ, объяснительными примѣчаніями, словаремъ и переводомъ, — я помѣстилъ въ Журналь Минист. Нар. Просв. (1836 № 4 и 6, 1837 № 1.) мое критическое изслѣдованіе оной и напечаталъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ это *краткое, корректурное* изданіе текста съ переводомъ, собственно для слушающихъ мои лекціи о Русской Словесности, желая предварительно воспользоваться всякаго рода замѣчаніями, къ поясненію Пѣсни служащими, — о чемъ и прошу покорно знатоковъ и любителей нашей Словесности.

Цѣна 2 рубля.

65

PKT

2007113184